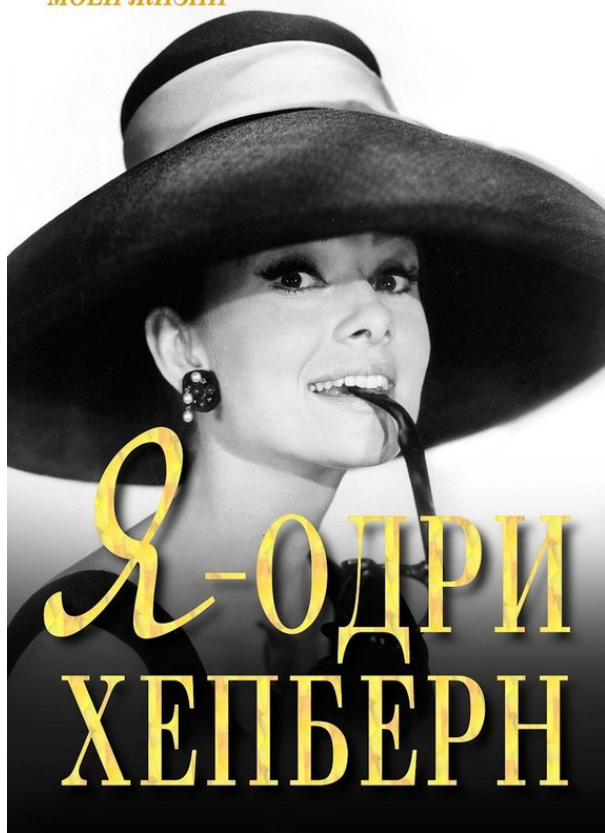

ИСТОРИЯ
МОЕЙ ЖИЗНИ

Екатерина Александровна Мишаненкова

Я – Одри Хепберн

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7413369

Я – Одри Хепберн / Составитель Е. Мишаненкова.: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085877-4

Аннотация

Над ней не властно время. Мир меняется, мода приходит и уходит, а Одри Хепберн по-прежнему остается недостижимым идеалом красоты, элегантности и хорошего вкуса.

Но многие ли знают, что таилось под прекрасной внешней оболочкой?

Кто она? Юная балерина, сражающаяся с нацистами, самая высокооплачиваемая звезда Голливуда, икона стиля в платьях от Живанши, посол ЮНИСЕФ, спасающий голодающих детей. Какое из этих лиц настоящее?

Какой Одри Хепберн была на самом деле?

Содержание

Одри Кэтлин Растон, впоследствии Хепберн, родилась в Брюсселе 4 мая 1929 года, в семье голландской баронессы и ирландского авантюриста.	4
Для обоих родителей Одри Хепберн это был не первый брак.	5
Первые годы Одри Хепберн прошли в атмосфере постоянных скандалов.	6
В мае 1935 года отец Одри ушел из семьи.	7
В 1939 году мать записала Одри в балетный класс.	8
В мае 1940 года Голландию заняли германские войска. Одри оказалась в оккупации.	9
После начала оккупации Элла велела дочери забыть имя Одри. Теперь ее звали Эддой.	10
В годы оккупации Одри давала частные концерты, чтобы собрать деньги для Сопротивления.	11
Участие Одри в делах подполья не ограничивалось сбором денег.	12
От голодной смерти Одри спас расстрел ее дяди.	13
Одри Хепберн вспоминала, что свобода пришла к ней «с запахом английского бензина и английских сигарет».	14
В 1946 году Одри растолстела до шестидесяти восьми килограммов.	15
Первый раз Одри попробовала себя в качестве актрисы еще до отъезда из Голландии.	16
В 1948 году Одри с матерью перебрались в Лондон.	17
В октябре 1948 года Одри Хепберн рассталась с мечтой о балете.	18
22 декабря 1948 года Одри Хепберн дебютировала на сцене.	19
Участвуя в «Соусе Тартар», Одри Хепберн впервые влюбилась.	20
Игра Одри в «Соусе Тартар» и его продолжении – «Пикантном соусе» стала привлекать внимание режиссеров и продюсеров.	21
В 1950 году Одри Хепберн начала карьеру киноактрисы, снявшись в фильме «Зернышко дикого овса».	22
Первый контракт с «Ассошиэйтед Бритиш пикчер корпорейшн» (АВРС) Одри Хепберн заключила, еще играя в «Пикантном соусе».	23
После фильма «Банда с Лавендер-хилл» на АВРС предложили Одри Хепберн продлить с ними контракт.	24
Вскоре после подписания контракта с АВРС Одри Хепберн познакомилась с миллионером и плеybоем Джеймсом Хэнсоном.	25
Первая серьезная роль славы Одри Хепберн не принесла – фильм «Засекреченные люди» был принят публикой холодно.	26
В 1951 году карьера Одри Хепберн стремительно рванула вперед.	27
Колетт предложила Одри Хепберн сыграть главную роль в бродвейском спектакле по ее роману «Жижи».	28
Но не успела Одри Хепберн отплыть в Америку, как ей сделали новое, еще более блистательное предложение.	29
«Парамаунт» выкупил Одри Хепберн у АВРС за огромную сумму в полмиллиона долларов.	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Я – Одри Хепберн

Составитель Е. Мишаненкова

**Одри Кэтлин Растон, впоследствии
Хепберн, родилась в Брюсселе 4
мая 1929 года, в семье голландской
баронессы и ирландского авантюриста.**

Мать Одри, Элла ван Хеемстра, происходила из старинного баронского рода, ведущего свою родословную с XVI века. Как и все аристократические семьи, ван Хеемстры находились в родстве с дворянскими родами чуть ли не всей Европы, так что в Элле смешалась кровь голландцев, французов, венгров и евреев. Впоследствии обширные родственные связи очень помогли в жизни и ей, и ее дочери Одри.

Их семья не была особо богатой, несмотря на то, что отец Эллы, барон Арнольд ван Хеемстра, был известным юристом и поочередно занимал достаточно высокие должности: чиновник в министерстве юстиции, судья, мэр, губернатор южно-американской колонии Суринам (Голландская Гвиана). Однако у Арнольда ван Хеемстра было много детей, каждого из которых пришлось обеспечить, поэтому все они стали людьми состоятельными, но отнюдь не богатыми.

Словно в противовес Элле, отец Одри, Джозеф Виктор Энтони Хепберн-Растон был человеком «из ниоткуда». До сих пор неизвестно толком, кто он, где родился и чем занимался. Он совершенно неожиданно возник в жизни Эллы ван Хеемстра, а через несколько лет навсегда пропал из виду.

К моменту рождения их единственной дочери Одри Джозеф носил фамилию Растон, но позже сменил ее на Хепберн-Растон, чтобы подчеркнуть свое родство со знатным шотландским родом Хепбернов.

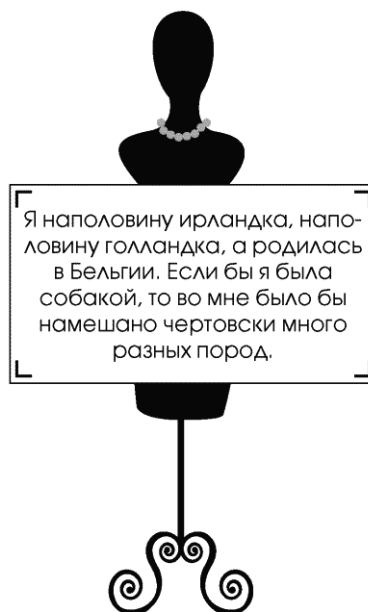
Для обоих родителей Одри Хепберн это был не первый брак.

Элла ван Хеестра в юности подумывала о карьере оперной певицы, но родители сочли это неподходящим занятием для дочери барона и поспешили отправить ее в путешествие. В Батавии (сейчас – Джакарта) она познакомилась с голландским аристократом ван Уффордом и вскоре вышла за него замуж.

Их брак просуществовал недолго – с 1920 по 1925 год, после чего они по неизвестным причинам развелись. Элла осталась одна с двумя сыновьями, но она и не думала унывать – благодаря ее привлекательности, приличному состоянию и баронскому титулу она легко могла найти себе нового подходящего мужа.

Однако она вдруг выбрала совершенно неподходящего Джозефа Растона, яркого красавца, нравившегося дамам, но совершенно не привыкшего работать. Он быстро развелся со своей предыдущей женой, и они с Эллой поженились.

Надо сказать, она довольно скоро поняла, что Джозеф не стремится работать, а интересуют его только светская жизнь и политика – он был ярким антикоммунистом. Но она стремилась сохранить брак и через связи своего отца нашла для мужа хорошее место в британской страховой компании в Бельгии. Так они покинули Батавию и отправились в Брюссель, где у них и родилась дочь Одри. Зарегистрировали ее, кстати, в британском вице-консульстве, поскольку ее отец имел британское гражданство.

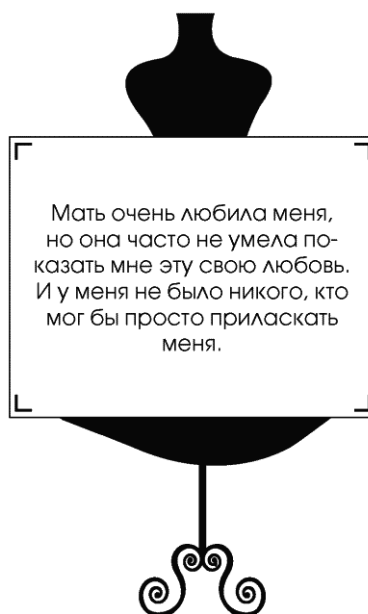

Первые годы Одри Хепберн прошли в атмосфере постоянных скандалов.

Ни Джозеф, ни Элла не могли похвастаться мягкостью и терпимостью, к тому же они оба обладали бурным темпераментом. Поэтому их ссоры всегда проходили очень шумно, и позже Одри вспоминала, что при первых звуках близящегося скандала она тут же пряталась под обеденный стол, где и пережидала очередную «грозу». Возможно, именно эти болезненные детские впечатления и стали причиной того, что, повзрослев, она сама никогда ни на кого не повышала голос.

Но в целом ее детство было совершенно обычным, не хуже, чем у других детей. Она часто бывала в поместье у бабушки с дедушкой, играла со сводными братьями и слугами, да и родители, когда не ссорились, занимались воспитанием детей, причем на удивление успешно.

Одри, как это часто бывает, больше любила красивого яркого отца, который не обращал на нее особого внимания, чем строгую мать, прививавшую ей дисциплину и трудолюбие. Повзрослев, она с грустью вспоминала, что ей очень не хватало материнской теплоты. Элла делала для детей все, что могла, но ласку они от нее видели не часто, а ведь это было именно то, в чем Одри особенно нуждалась. Она настолько была переполнена нереализованной нежностью, что тискала всех животных и маленьких детей, которые ей встречались, и даже пыталась взять себе младенцев, оставленных в колясках.

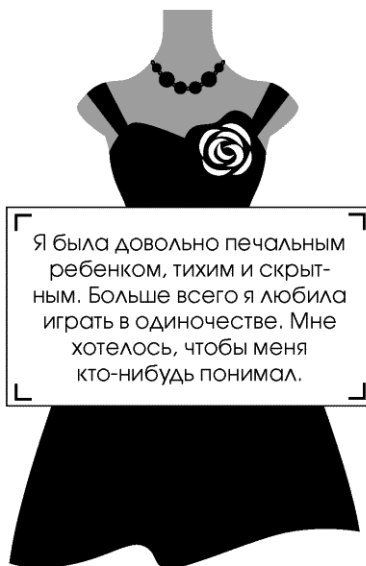
В мае 1935 года отец Одри ушел из семьи.

Для нее это стало страшным ударом. «Я была совершенно сломлена, – вспоминала она позже. – Я проплакала несколько дней подряд, развод родителей был первым ударом, который я пережила в детстве... Я боготворила своего отца и очень скучала по нему с того самого дня, как он ушел. Расставание с отцом в возрасте каких-нибудь шести лет ужасно. Если бы я могла время от времени встречаться с ним, я бы чувствовала, что он любит меня. Но в той ситуации мне оставалось лишь постоянно завидовать другим, у которых были отцы, и я всегда возвращалась домой в слезах, потому что у них был папа, а у меня его не было».

Как и первый развод Эллы ван Хеемстра, ее разрыв с Джозефом тоже окутан тайной. Почему они расстались, никто так и не узнал, поэтому строилось немало предположений. Биографы писали, что Джозеф начал спиваться, что он растратил большую часть состояния жены, ну и наконец, искали причину в его политических взглядах.

Дело в том, что Джозеф Растон открыто сочувствовал нацистам. И первое время Элла его в этом поддерживала, существует даже подписанная ее именем статья о «зове фашизма». Но она довольно скоро разочаровалась в идеях национал-социализма.

Как бы то ни было, они с Джозефом развелись и больше не встречались.

В 1939 году мать записала Одри в балетный класс.

Танцами она увлекалась давно – еще в раннем детстве стоило зазвучать музыке и Одри принималась танцевать. Поэтому в балетный класс она пошла с радостью, занималась там легко и с удовольствием, чего нельзя было сказать об ее учебе в школе. «Мне нравились девочки и учителя, но сам процесс обучения в классе не нравился никогда, – вспоминала она. – Я была очень активной и не могла часами сидеть за партой. Мне нравилась история, мифология и астрономия, но я по-настоящему ненавидела все, что было связано с арифметикой. Школа казалась мне скучной, и я была рада, когда все это наконец закончилось».

Танец стал для застенчивой Одри средством самовыражения и даже в какой-то степени образом жизни. Она не переставала заниматься балетом даже во время немецкой оккупации – пока у Эллы были деньги, чтобы оплачивать уроки, к ним приходила учительница; когда денег не стало, Одри сама начала давать уроки младшим девочкам.

Занятия балетом сформировали знаменитую фигуру Одри Хепберн – тонкую, стройную, гибкую и в то же время аристократически прямую. Ее грация, ее великолепная осанка – все это тоже результат многолетних занятий балетом.

Одри видела себя в будущем знаменитой балериной, и понадобилось много лет и много разочарований, чтобы она отказалась от этой мечты.

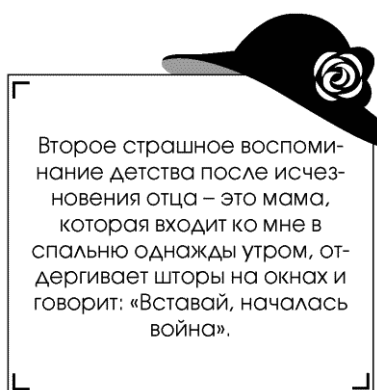
Я хотела танцевать сольные партии. Я страшно хотела исполнять эти роли потому, что они дали бы мне возможность выразить себя. Но у меня не было такой возможности, когда я стояла в ряду из двенадцати других девочек и должна была синхронизировать свои движения с их движениями. А я не желала ни под кого подстраиваться. Я хотела сама добиться своей славы.

В мае 1940 года Голландию заняли германские войска. Одри оказалась в оккупации.

А ведь летом 1939 года они с матерью отдыхали в Англии у родственников и с началом войны могли остаться там. Но Элла была уверена, что нейтральной Голландии ничего не грозит, и вернулась на родину, где поселилась в городе Арнеме. Это было ее большой ошибкой, да и не только ее – никому из семьи ван Хеемстра не пришло в голову уехать из страны.

Они довольно быстро поплатились за свое легкомыслие – вскоре после оккупации их счета были арестованы, а ценности конфискованы. Никогда не знавшие материальных проблем, ван Хеемстры оказались на грани нищеты. Но на этом их несчастья не закончились: вскоре один из братьев Одри был схвачен и отправлен в лагерь за связь с Сопротивлением, другой оказался в плену, и о нем до конца войны ничего не было известно, а дядя и два кузена попали в облаву и были расстреляны.

Одри вспоминала, что жила в то время в постоянном иррациональном страхе: «Я не боялась, не попаду ли я, как многие молодые девушки и женщины, в дома, предназначенные для «развлечения» германских офицеров и других мужчин. И я не знала, не заберут ли меня на день или на неделю на уборку или на полевую кухню. Я знала лишь, что мне двенадцать лет и мне страшно».

После начала оккупации Элла велела дочери забыть имя Одри. Теперь ее звали Эддой.

В школу ее устроили под именем Эдды ван Хеемстра, подделав документы. Кроме того, ей было запрещено говорить по-английски. «Меня никогда не звали Эдда ван Хеемстра, – рассказывала впоследствии Одри. – Это имя было только для школы. Мама считала, что во время немецкой оккупации разумнее иметь голландское, а не английское имя».

Это не было простой причудой – у Эллы были серьезные основания бояться за дочь, ведь Одри еще при рождении была записана британской подданной. Если бы это выплыло наружу, она имела бы все шансы оказаться в лагере, несмотря на свой юный возраст.

Однако у страха и репрессий был и обратный эффект – после всех несчастий, обрушившихся на их семью, даже осторожная Элла, еще несколько лет назад сочувствовавшая нацистам, стала помогать Сопротивлению.

По иронии судьбы, как раз в мае 1940 года, когда Германия оккупировала Голландию, отец Одри, британец Джозеф Хепберн-Растон, был арестован в Англии за «связь с представителями вражеского государства». Для этого были серьезные основания – Джордж занимал пост директора контролируемого нацистами агентства новостей, да и своих профашистских взглядов он никогда не скрывал.

Вот так родители Одри фактически оказались по разные стороны баррикад...

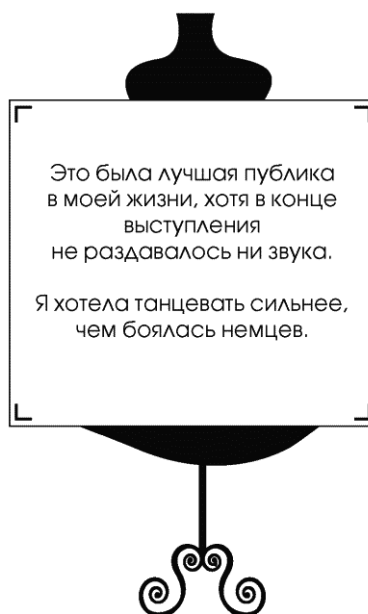
В те дни я часто говорила себе: если это когда-нибудь закончится, я никогда больше не буду ворчать и капризничать, я буду всем довольна.

В годы оккупации Одри давала частные концерты, чтобы собрать деньги для Сопротивления.

Продолжать заниматься балетом было все сложнее – не было денег уже не только на учителей, но и на специальную обувь. Элле пришлось сшить для дочери туфли из обрезков фетра. «Туфли не давали той поддержки, которую обеспечивают настоящие балетные туфли, – рассказывала Одри. – Но для моих молодых пальчиков они были в самый раз».

В этой самодельной обуви она и выступала перед публикой. «Я сама придумывала себе танцы. У меня была подруга, которая играла на фортепиано, а мама шила мне костюмы. Все это было чистым любительством, но в то время у людей совсем не было развлечений. Они с радостью пользовались возможностью послушать музыку, – вспоминала потом Одри, как всегда стесняясь и принижая собственные заслуги. – Концерты проходили в частных домах, окна и двери плотно закрывали. Никто снаружи не догадывался, что происходит внутри. После концерта мы собирали деньги и передавали их голландскому подполью».

Это было рискованное занятие, за такое и она, и участвовавшие в этом другие девочки, могли жестоко поплатиться. Публика тоже рисковала, собираясь на эти концерты, – подобные многолюдные сборища были запрещены. Поэтому представления проходили в тишине, зрители даже не аплодировали, чтобы не привлечь внимание немецкого патруля. Впрочем, юные артистки и так знали, что их ценят, – ведь чтобы посмотреть на них, зрители рисковали жизнью.

Участие Одри в делах подполья не ограничивалось сбором денег.

Она помогала распространять антифашистские листовки и копии нелегальных передач «Би-Би-Си» и подпольных голландских радиостанций. Поскольку детей меньше подозревали, они выступали в качестве связных – Одри и другим юным артисткам обычно передавали записки во время концертов, они прятали их в туфли, а потом где-нибудь в автобусе или в парке передавали по назначению.

Это занятие было куда опаснее тайных концертов, но когда спустя много лет у Одри спрашивали, как она решалась на такой риск, она только удивлялась: «Для голландских детей было совершенно естественно рисковать, чтобы спасти подпольщиков».

Это была не игра, ей на самом деле приходилось смотреть в лицо смерти. Один раз она едва не погибла по чистой случайности – попала в облаву и только чудом сумела убежать. В другой раз ее едва не схватили в Арнемском лесу, куда она ходила, чтобы передать инструкции английскому парашютисту. Она все выполнила, но на обратном пути ее остановил немецкий патруль и спросил, что она тут делает. Требовалось хорошее самообладание, чтобы не запаниковать, но Одри после трех лет оккупации уже привыкла к железной дисциплине, поэтому изобразила, что не понимает по-немецки, и подарила солдатам цветы, которые собирала в лесу. Те улыбнулись и пропустили эту милую безобидную девочку, смотревшую на них такими искренними невинными глазами...

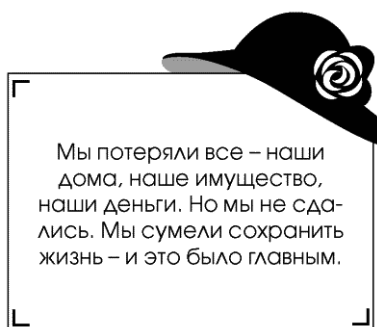
От голодной смерти Одри спас расстрел ее дяди.

В 1944 году после неудачного наступления англичан немцы почти разрушили Арнем и отобрали у жителей всю провизию. «Мы несколько дней шли, не имея никаких продуктов, – рассказывала Одри, – а потом оказались в доме, где не было ни света, ни тепла... Очень долго нам было нечего есть, кроме луковиц тюльпанов. Беженцы шли сплошным потоком, люди приходили к нашим дверям, прося пищи и крова. Человеческие страдания были невыносимы... Мы приютили сорок человек, но пищи у нас не было, и им пришлось уйти».

Она вспоминала, что весила в то время сорок пять килограммов при росте в 1 метр 69 см. Она страдала от малокровия, ноги у нее распухли, а вдобавок ко всему она еще и заболела желтухой.

Безжалостная статистика говорит, что не меньше трех тысяч беженцев из Арнема умерли от голода. В декабре 1944 года такая же участь грозила и Одри. «Утром 24 декабря сестра моей матери сказала, что в доме не осталось ни крошки, – рассказывала она. – Я слышала, что чувство голода притупляется во сне. Тогда я решила проспать Рождество, но для этого сначала нужно было подняться в мою комнату. Я попыталась, но мне не удалось – я была слишком слаба».

Спасли их консервы, принесенные человеком из Сопротивления. Позже они узнали, что такие посылки получили семьи казненных немцами заложников. По злой иронии судьбы Одри и все остальные остались живы благодаря ее дяде, расстрелянному после нападения подпольщиков на немецкий отряд.

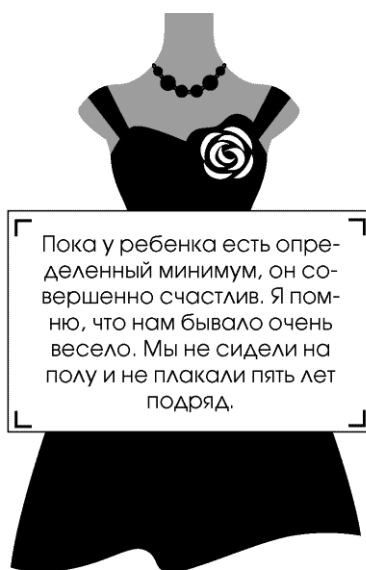

Одри Хепберн вспоминала, что свобода пришла к ней «с запахом английского бензина и английских сигарет».

4 мая 1945 года она увидела входящих в город английских солдат и, несмотря на то, что была еле живой от голода и болезни, выбежала на улицу. «Я вдохнула запах их бензина, словно это были драгоценные духи», – рассказывала она. Солдаты угостили ее сигаретой и шоколадкой, и с тех пор она на всю жизнь сохранила страсть к курению и шоколаду.

Сигареты вообще в то время сыграли в жизни Одри особую роль. В разоренной Голландии они были универсальной валютой – их можно было обменять на что угодно или продать на черном рынке за большие деньги. Поэтому, когда Элла ван Хеемстра в отчаянии написала своему старому другу, англичанину Майклу Берну, что ее дочь больна, а денег на лекарства нет, он прислал ей сигареты. Она продала их и на вырученные деньги купила пенициллин для Одри. Кстати, сам Берн тоже был многим ей обязан – когда он был в немецком концлагере, Элла присылала ему продукты через Красный Крест. Теперь он расплатился тем, что помог спасти жизнь Одри.

К счастью, уже в июне в Голландию начала поступать гуманитарная помощь, и призрак голода отступил. Вскоре вернулись ее братья, Элла нашла работу – жизнь постепенно налаживалась.

Пока у ребенка есть определенный минимум, он совершенно счастлив. Я помню, что нам бывало очень весело. Мы не сидели на полу и не плакали пять лет подряд.

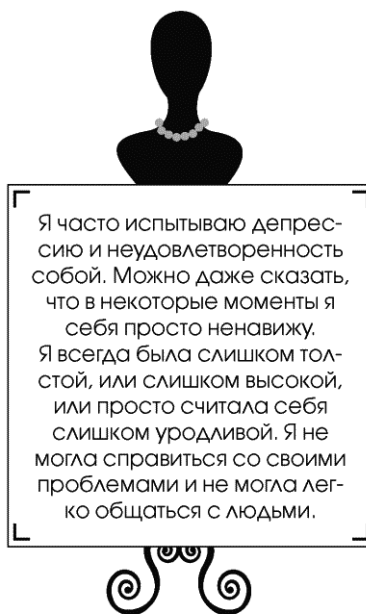
В 1946 году Одри растолстела до шестидесяти восьми килограммов.

В этом не было ничего удивительного – после голода, болезней и постоянных стрессов она, как и многие другие люди, дорвавшись до еды, просто не могла остановиться. Она вспоминала, например, что однажды съела целую банку сгущенки, а потом заболела от одного из блюд гуманитарной помощи, потому что насыпала слишком много сахара в овсянку.

К тому же ситуация усугублялась свалившейся на нее депрессией. После жизни в страхе, напряжении и ожидании она вдруг оказалась без цели в жизни (раньше таковую заменяла мечта о победе) и без понимания, что же делать и как жить дальше. Очень тяжелая ситуация даже для взрослого человека, а уж тем более для подростка.

«Я пережила годы войны, не имея пищи, денег, книг, музыки и одежды, – вспоминала она впоследствии. – Потом я начала есть все, что попадалось мне на глаза, особенно шоколад. Я стала толстой, как воздушный шар, и очень некрасивой».

Справиться с депрессией ей помог балет. Сразу, как только она смогла вновь оплачивать уроки, она начала заниматься танцами под руководством известной преподавательницы Сони Гаскелл. Но вскоре Соня вынуждена была закрыть школу и уехать. Однако она предложила порекомендовать Одри своей знаменитой лондонской коллеге Мари Рамбер. Но для того чтобы продолжать заниматься балетом, нужно было срочно сбросить вес. Сказано – сделано, через несколько месяцев Одри весила 55 килограммов и была готова ехать в Лондон.

Я часто испытываю депрессию и неудовлетворенность собой. Можно даже сказать, что в некоторые моменты я себя просто ненавижу. Я всегда была слишком толстой, или слишком высокой, или просто считала себя слишком уродливой. Я не могла справиться со своими проблемами и не могла легко общаться с людьми.

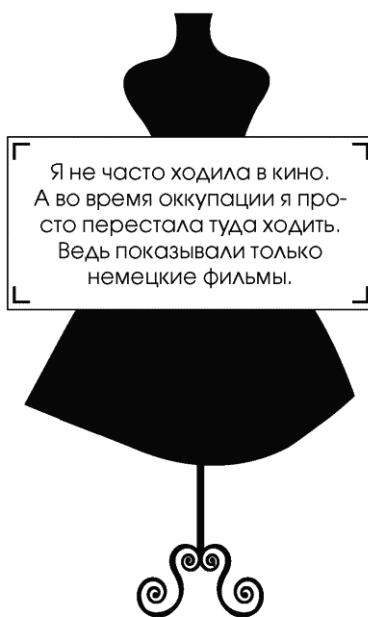
Первый раз Одри попробовала себя в качестве актрисы еще до отъезда из Голландии.

Произошло это случайно – компания «KLM» в целях рекламы решила снять документальный фильм «Голландский за семь уроков» («Nederlands in 7 Lessen»). Это была, так сказать, документальная комедия об операторе, путешествующем по Голландии и снимающем ее достопримечательности. Голландская версия была длиной в 79 минут, английская – в 39.

На роль стюардессы им потребовалась девушка, которая одинаково хорошо владела бы голландским и английским, и они взяли Одри. Вероятно, получить эту роль ей помогла Элла, у которой были связи в руководстве авиакомпании, ведь сама Одри в то время не испытывала к кино особого интереса. Но она в то время старалась воспользоваться любой возможностью подработки и с радостью согласилась.

Одри там переходит дорогу, привлекает внимание оператора, который останавливает ее и расспрашивает, кто она такая. Она говорит, что стюардесса, красуется в форме на фоне самолета и закадрового рассказа об авиакомпании, а потом предстает в мечтах оператора в романтическом образе – с лютней в руках и пером в волосах.

По словам одного из постановщиков, Хайнца Иозефсона, «она была весела, очаровательна, мила... она светила, как яркое солнышко». И любой поклонник Одри Хепберн при желании может убедиться в правоте этого отзыва, посмотрев в Интернете отрывок с ее участием.

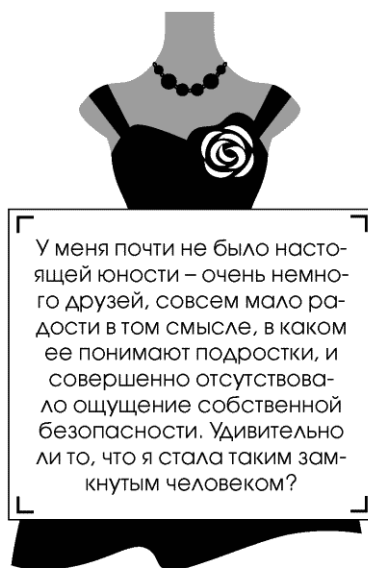

В 1948 году Одри с матерью перебрались в Лондон.

Именно тогда она решила отказаться от фамилии отца и сохранить лишь ту ее часть, которая была девичьей фамилией прабабушки. Так она из Одри Растон стала Одри Хепберн.

Они с Эллой сняли квартиру в Лондоне, Одри приняли в школу Мари Рамбер, но чтобы оплачивать квартиру и уроки, им обоим пришлось много работать. Впрочем, совсем беспомощными они не были – Элле помогал ее старый друг, состоятельный голландец Пауль Рюкенс, давно перебравшийся в Англию. Однако говорить, что он их полностью обеспечивал, было бы опрометчиво. Сама Одри так вспоминала о первых годах жизни в Лондоне: «Денег постоянно не хватало, хотя я бралась за любую мелкую работу... Мой первый урок начинался в десять утра, а последний заканчивался в шесть вечера. У меня была работа, работа, работа – весь день и почти всю ночь... Уроки танцев превратились для меня в самое изматывающее занятие, какое только можно придумать».

Элла, по разным сведениям, работала в отеле, в цветочном магазине, экономкой в богатом доме, сопровождала туристов. Одри фотографировалась для торгового каталога, переводила документы и подрабатывала секретарем в туристической фирме, рекламировала шляпки, мыло и шампуни. Но увы, она все лучше понимала, что ее мечте стать великой балериной сбыться не суждено.

В октябре 1948 года Одри Хепберн рассталась с мечтой о балете.

В школе Мари Рамбер ей пришлось нелегко – мадам была очень жесткой преподавательницей и по воспоминаниям учеников за неправильную позицию могла хлестнуть стеком прямо по рукам. После ее занятий одни рыдали, другие давали ей прозвища, но все вынуждены были терпеть, потому что она была настоящим мастером своего дела. Одри тоже долго терпела и резкие замечания, и все остальное, потому что, как она сама говорила: «Моей мечтой было надеть пачку и выйти на сцену Ковент-Гарден».

Но в конце концов ей пришлось смириться с жестокой реальностью. Она была слишком высокой для балерины и начала заниматься танцами слишком поздно. Осенью 1948 года Мари Рамбер сказала ей об этом прямо и посоветовала попытать счастья в музыкальном театре или стать преподавательницей.

«Моя техника не шла ни в какое сравнение с техникой тех девушек, которые пять лет учились в «Сэддлерс Уэллс», за учебу которых было кому платить, у которых всегда были пища и бомбоубежища, – с горечью вспоминала Одри. – Здравый смысл подсказывал, что в балете мне успеха не добиться. И все же я продолжала считать, что участие в мюзиклах ниже моего достоинства». Здравый смысл все же возобладал – в октябре 1948 года Одри покинула общежитие балетной школы в Кенсингтоне и занялась поисками работы в театре.

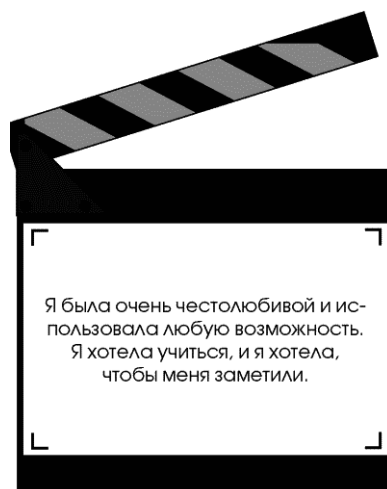
Меня научили тому, что привлекать к себе внимание – признак дурных манер. Никогда не следует выставлять свои чувства напоказ.

22 декабря 1948 года Одри Хепберн дебютировала на сцене.

Ее первая роль, если можно так назвать участие в кордебалете, была в мюзикле «High button shoes» (один из вариантов перевода – «Высокие ботинки на пуговицах»). Эта комедия уже два сезона успешно шла на Бродвее, и ей прочили большое будущее в Лондоне, поэтому можно сказать, что Одри повезло – ее отобрали в постановку. Тем более что у нее совсем не было опыта, а платили там вполне прилично – около восьми фунтов в неделю.

В театре ей пришлось тяжело. «Когда меня выбрали, я не могла отличить одной синкопы от другой, – рассказывала она. – Мне приходилось работать гораздо напряженнее, чем остальным девушкам». К тому же ее голос был слишком слабым для сцены, и ей пришлось много заниматься, чтобы он приобрел необходимую звучность.

Но все старания Одри были почти впустую – никто ее особо не заметил, ни в одной рецензии ее не упомянули. Надежду внушало лишь то, что после окончания лондонских представлений в мае 1949 года продюсер Сесиль Лэндо пригласил ее в другой мюзикл – «Соус Тартар». Обдумав все, Одри отказалась ехать с «Высокими ботинками на пуговицах» на гастроли и приняла предложение Лэндо, ведь он предлагал ей хоть небольшую, но роль, и даже со словами, а не только танцы в толпе других девушек. Это было правильным решением – «Соус Тартар» выдержал больше четырехсот представлений, и в нем Одри наконец заметили и критики, и зрители.

Участвуя в «Соусе Тартар», Одри Хепберн впервые влюбилась.

Ее избранником стал партнер по сцене, молодой французский певец Марсель Ле Бон. Отношения у них поначалу были вполне серьезные – во всяком случае, Элла уже почти смирилась с мыслью, что ее зятем станет певец кабаре. Радовало ее лишь то, что молодые люди не спешили связывать себя узами брака, и можно было надеяться, что первая влюбленность скоро сойдет на нет.

Но вот Сесиль Лэндо в отличие от нее очень возражал против этого романа. Он напомнил Одри, что если их с Ле Боном отношения станут известны публике, ей это может стоить карьеры. И для такого заявления у него были все основания. Все-таки не стоит забывать, что как раз заканчивались ханжеские 40-е и начинались еще более ханжеские 50-е. Мужчина мог заводить сколько угодно интрижек, обществом это не возбранялось, если он при этом не разрушал семью. Тогда как женщина могла из-за одной интрижки потерять репутацию и навсегда остаться с клеймом распутницы.

Одри приняла это к сведению, и они с Ле Боном стали встречаться очень осторожно. А там и надежды Эллы оправдались – после того, как Лэндо устроил Одри подрабатывать еще и в кабаре, она стала возвращаться лишь под утро, и Ле Бон быстро переключился на другую, менее занятую девушку. Впрочем, чувства Одри к нему уже тоже остыли, и она восприняла расставание спокойно.

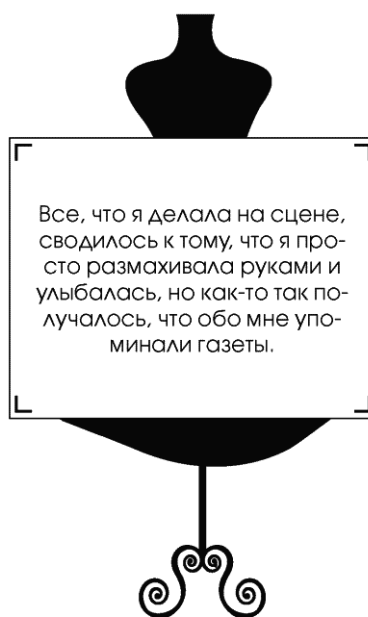
Игра Одри в «Соусе Тартар» и его продолжении – «Пикантном соусе» стала привлекать внимание режиссеров и продюсеров.

Ее запомнили зрители, о ней начали писать критики, и наконец на нее обратили внимание люди из мира кино. Сама она вспоминала об этом времени с некоторым недоумением, считая, что пресса незаслуженно уделяла ей слишком много внимания. Но она всегда была излишне самокритична.

Партнер Одри по сцене, Боб Монкхаус, в будущем известный комик, рассказывал: «Ее внешность была столь прелестна, что у вас перехватывало дыхание, когда она улыбалась и взмахивала ресницами». А одна из танцовщиц высказалась более резко, но не менее конструктивно: «У меня была самая большая грудь в кордебалете, а все смотрели на девицу, у которой ее вообще не было!» Кстати, сама Одри как раз очень комплексовала из-за своих скромных форм и имитировала бюст при помощи подкладок из свернутых носков.

В это же время Одри успешно делала карьеру и в рекламном бизнесе. Успех шоу и помощь Лэндо, старавшегося везде продвигать своих артистов, чтобы их запомнили, помогли ей познакомиться с хорошими фотографами, и вскоре ее снимки стали украшать многие известные журналы.

Очарование Одри Хепберн, которому предстояло покорить весь мир, постепенно набирало обороты.

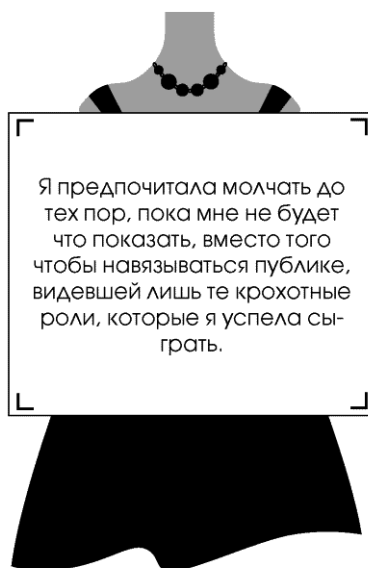

В 1950 году Одри Хепберн начала карьеру киноактрисы, снявшись в фильме «Зернышко дикого овса».

Роль, конечно, была эпизодическая, Одри провела на экране всего несколько секунд и сказала лишь пару фраз. Зрители не обратили на нее почти никакого внимания, зато ее заметили на студии. Возможно, дело было в ее природном обаянии, а может быть, этому способствовало и то, что она брала уроки актерского мастерства у талантливого педагога Феликса Эйлмера.

Кстати, именно с его подачи ее приглашали на пробы нескольких фильмов, среди которых был голливудский блокбастер «Камо грядеши». Причем там она настолько понравилась режиссеру, что он вполне серьезно настаивал, чтобы ее взяли на главную роль. Если бы киностудия не побоялась брать неизвестную актрису, слава могла бы прийти к Одри Хепберн на пару лет раньше.

А пока она снималась в эпизодических ролях – за «Зернышком дикого овса» последовали «Смех в раю», «Банда с Лавендер-хилл», «Рассказы молодых жен» и «Дитя Монте-Карло». И хотя она сама говорила о своих первых фильмах, что «даже если сложить их все, то материала не наберется и на одну крохотную роль», свое дело они сделали – Одри заметили и стали рассматривать как реальную претендентку на более серьезные роли. Одним из первых ее оценил продюсер фильма «Банда с Лавендер-хилл» Майкл Бэлкон, но пока он раздумывал, не предложить ли ей контракт, это уже сделала другая кинокомпания.

Я предпочитала молчать до тех пор, пока мне не будет что показать, вместо того чтобы навязываться публике, видевшей лишь те крохотные роли, которые я успела сыграть.

Первый контракт с «Ассошиэйтед Бритиш пикчер корпорейшн» (АВРС) Одри Хепберн заключила, еще играя в «Пикантном соусе».

Что такое контракт с кинокомпанией в те времена? Это постоянный договор, по которому актеры получали некий постоянный оклад на какой-то период времени, за который они обязаны были сниматься в предложенных картинах и не имели права работать у кого-нибудь другого. Если актер не становился известным, его контракт был убыточным, но если он вдруг выходил в звезды, студия сдавала его «в аренду» другим кинокомпаниям за огромные деньги, тогда как он сам продолжал получать все ту же сумму, что записана в контракте.

Особенно жесткие контракты были в США, там киностудия могла вмешиваться в личную жизнь актера, заставляя его перекрашивать волосы (как было с Мэрилин Монро), вставлять зубы, делать пластические операции. Нельзя было ни выйти замуж, ни развестись без одобрения киностудии. Это было практически крепостное право. В Англии условия были помягче, но тоже сильно ограничивали свободу.

Одри была еще совсем неопытной актрисой, но что-то такое она все же подозревала, поэтому подписала договор только на три фильма. Если бы она прославилась одним из них, она могла бы в дальнейшем обойтись без постоянного контракта и заключать с киностудиями договор на каждый фильм по отдельности. Увы, АВРС не дала ей возможности проявить себя, и после трех крошечных ролей она оставалась все такой же неизвестной актрисой.

После фильма «Банда с Лавендерхилл» на АВРС предложили Одри Хепберн продлить с ними контракт.

Ей очень не хотелось этого делать, но особого выбора у нее не было – звездой она пока не стала, а получать роли без контракта было почти нереально, поскольку студии предпочитали работать с теми, кто связан с ними договором. Поэтому она согласилась на продление контракта, и как поначалу казалось – не зря, потому что вскоре ее пригласили на пробы в политическом триллере «Засекреченные люди».

Роль была буквально создана для Одри – сестра главной героини, юная танцовщица, подкупающая своей невинностью. Но препятствием вновь едва не стал ее слишком высокий рост – режиссер не хотел, чтобы она возвышалась над своей «старшей сестрой». Помогла Валентина Кортезе, игравшая главную героиню, – она предложила Одри разуться и пообещала вставать на цыпочки, чтобы казаться выше рядом с ней.

От нее же Одри получила совет (который потом называла «лучшим советом в мире»), подтвердивший то, что подсказывала ей интуиция. Когда журналисты приехали брать интервью у актеров, Кортезе сказала: «Мы должны иметь право на личную жизнь. В Голливуде же настоящий ужас. Здесь ожидают от тебя того, что ты станешь рабыней, тебе нужно быть готовой выполнить любое требование в любой момент, и не только тогда, когда ты снимаешься в фильме. – И, повернувшись к Одри, добавила: – «Хорошо подумай, прежде чем ты решишь подписать долгосрочный контракт. Свобода – вот самая чудесная вещь на свете».

Вскоре после подписания контракта с АВРС Одри Хепберн познакомилась с миллионером и плейбоем Джеймсом Хэнсоном.

Он имел репутацию любителя красивых женщин, ходили слухи о его романах с Авой Гарднер, Джин Симмонс и Джоан Коллинз. Никто не ожидал, что он вдруг остепенится, но это почти произошло, когда он встретил Одри.

Возможно, познакомься они немного раньше, и в мире никогда не появилось бы кинозвезды по имени Одри Хепберн. Их роман вспыхнул очень быстро, у обоих были серьезные намерения, и не будь Одри связана контрактом, по которому должна была сыграть еще в нескольких фильмах, она наверняка вскоре вышла бы за Хэнсона замуж и оставила кино. Немало артисток меняли карьеру на выгодный брак, а уж у нее для этого были все предпосылки: она хотела семью и детей, была по-настоящему влюблена в Хэнсона, а будучи воспитана в семье барона, легко могла взять на себя роль светской дамы и супруги бизнесмена. Да и Элла ван Хеемстра была рада, что ее дочь нашла такого отличного жениха – красивого, богатого и из хорошей семьи.

Но работа оставляла Одри не слишком много времени для личной жизни, а уж после того, как ее наконец заметили и пригласили играть сначала на Бродвее, а потом в Риме, и вовсе стало ясно, что свадьба откладывается на неопределенный срок.

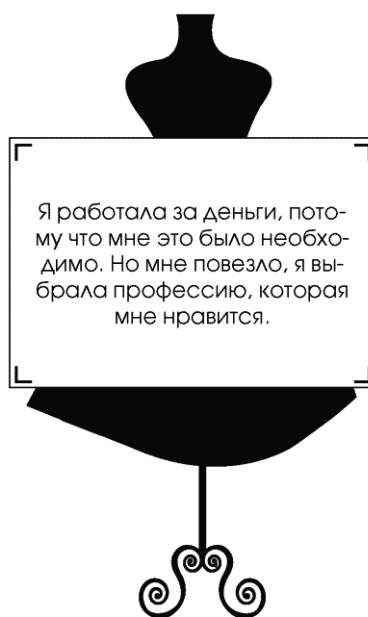

Первая серьезная роль славы Одри Хепберн не принесла – фильм «Засекреченные люди» был принят публикой холодно.

Саму Одри, пожалуй, в основном хвалили, ее Нора получилась очень живой и естественной. Журналисты писали: «В Одри Хепберн красота сочетается с талантом, особенно ярко проявившимся в двух коротких танцевальных сценах». Но зрителей оттолкнула непонятная фаталистическая мораль фильма, из-за которой они не смогли проникнуться симпатией к главной героине и ее сестре.

Однако работа в «Засекреченных людях» дала Одри необходимый актерский опыт и избавила от многих иллюзий. Теперь, когда она играла большую роль, а не крохотный эпизод, она воочию увидела, что такое работа киноактера – дубли, дубли и еще раз дубли. Все снималось крохотными частями, даже танцевальные номера, а перфекционист-режиссер требовал повторять каждый дубль до тех пор, пока все не получится идеально. «Я готова была завопить, – рассказывала Одри, – слыша снова и снова повторения все той же полудюжины тактов».

К тому же, рекламируя фильм, кинокомпания активно эксплуатировала ее красоту и свежесть, поэтому ее фотографии замелькали во многих журналах, и это, конечно, принесло свои плоды. Пусть фильм и не удался, но Одри Хепберн наконец-то многие заметили и запомнили.

Я работала за деньги, потому что мне это было необходимо. Но мне повезло, я выбрала профессию, которая мне нравится.

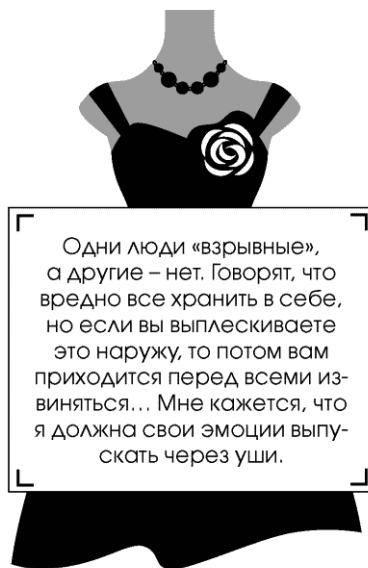
В 1951 году карьера Одри Хепберн стремительно рванула вперед.

По иронии судьбы толчком для этого стало участие Одри в слабеньком фильме «Дитя Монте-Карло», снимавшемся сразу на двух языках (английском и французском) и на обоих провалившемся в прокате. Она даже не хотела в нем сниматься и согласилась лишь потому, что, во-первых, ей обещали оставить платье от Диора, в котором она должна была играть, а во-вторых, потому что съемки должны были проходить на теплом средиземноморском побережье.

Хоть роль и была небольшой, работа оказалась нелегкой – Одри ужасно уставала вызывать в себе необходимые эмоции сначала для дублей на одном языке, потом на другом. К тому же она скучала по Джеймсу Хэнсону и мечтала поскорее вернуться в Лондон.

Но в один прекрасный день в обеденную залу Отеля де Пари, где снимали очередную сцену, вкатили инвалидную коляску, в которой сидела хрупкая старушка с пронизательным взглядом. Это была не кто иная, как гостья принца Монако, легендарная Колетт – классик французской литературы и одна из самых знаменитых женщин века.

Колетт была фигурой на самом деле знаковой – артистка и писательница, звезда Прекрасной эпохи, она сменила много мужей и любовников, написала полсотни романов, которые экранизируются до сих пор, занималась благотворительностью, дружила с королями и элитой мировой богемы. Она всегда получала то, что ей было нужно. И сейчас ей нужна была Одри Хепберн.

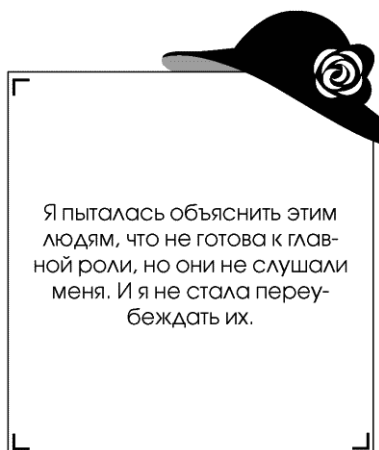

Колетт предложила Одри Хепберн сыграть главную роль в бродвейском спектакле по ее роману «Жижи».

Это было просто феерическое предложение для начинающей актрисы. Правда, сама Одри сомневалась в своих способностях, да и подходящего сценического опыта у нее фактически не было – в Лондоне она ведь была танцовщицей, а не драматической артисткой.

Но все это уже не имело никакого значения – Колетт нашла свою Жижи и не собиралась отказываться от нее из-за каких-то девичьих сомнений. Она слишком долго ее искала, видела подходящие черты в разных девушках, но ни одна из них не была способна играть на сцене. И тут такой подарок – случайно замеченная на пляже девушка идеально подходящего типа оказывается профессиональной актрисой, да к тому же еще и свободной от других обязательств, а значит имеющей возможность через пару месяцев отправиться в США.

В Одри сразу же вцепились, с одной стороны, помощники Колетт, которые уже и не чаяли, что она наконец утвердит какую-нибудь актрису на главную роль, а с другой – представители АВРС, для которых это предложение было настоящим подарком судьбы, ведь статус бродвейской звезды сразу поднимал Одри в цене. Быстренько провели пробы, и ее почти не глядя утвердили на роль, решив, что все недостатки ее игры, а также слишком слабый для театра голос можно исправить по ходу репетиций.

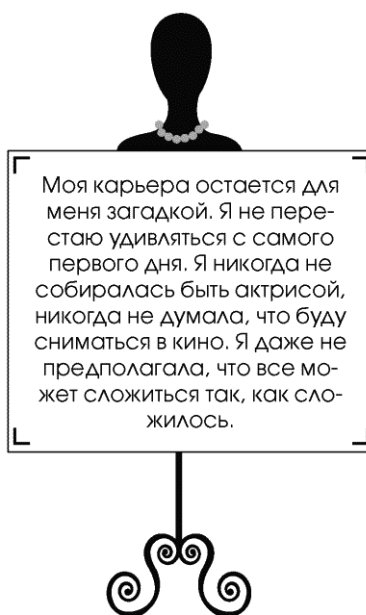

Но не успела Одри Хепберн отплыть в Америку, как ей сделали новое, еще более блистательное предложение.

В июле 1951 года ей позвонил Роберт Леннард – режиссер, который год назад первым обратил на нее внимание и убедил АВРС подписать с ней контракт. Он сказал, что компания «Парамаунт» хочет попробовать ее на главную роль в новом фильме, действие которого будет происходить в Риме.

Конечно, в тот момент никто еще и представить себе не мог, какая оглушительная слава ждет этот фильм со скромным названием «Римские каникулы». Но в любом случае главная роль, да еще и в картине такой крупной знаменитой киностудии была для Одри настоящим подарком судьбы. Тем более что режиссером был назначен дважды лауреат «Оскара» Уильям Уайлер, а главную мужскую роль должен был играть блистательный Грегори Пек.

Как ее умудрились выбрать на роль, которую прочили таким звездам, как Элизабет Тейлор и Джин Симмонс? Похоже, это был результат того самого счастливого случая, о котором мечтает каждый человек. Пока искали актрису, в фильме дал согласие сниматься Грегори Пек, который потребовал права самому утвердить партнершу. Тем временем на глаза Уайлеру, просматривавшему европейских актрис (он хотел, чтобы у принцессы был легкий акцент), попался журнал с фотографией Одри, он заинтересовался, заказал кинопробу, они с Пеком ее посмотрели и решили, что девушка – как раз то что нужно.

«Парамаунт» выкупил Одри Хепберн у АВРС за огромную сумму в полмиллиона долларов.

Плюс они имели право на часть дохода от всех фильмов с ней, которые будут сняты на студии «Парамаунт». Для сравнения – сама она получила за съемки в «Римских каникулах» всего около десяти тысяч (раз в двадцать меньше, чем, например, Грегори Пек).

По новому контракту Одри должна была сыграть у «Парамаунта» или в тех компаниях, которым ее сдадут «в аренду» в семи фильмах, по одному в год. Плюс – в двух фильмах АВРС в качестве компенсации. «Парамаунт» имел право разорвать контракт, если в «Римских каникулах» Одри не оправдает возложенных на нее ожиданий. Она в свою очередь получала право в перерывах между фильмами работать в театре и на телевидении.

Не остались внакладе и постановщики «Жижи». Поскольку в июне 1952 года Одри должна была начать сниматься в Риме, а значит не могла продолжать играть в спектакле, ей пришлось согласиться принять участие в гастролях по Америке с «Жижи» сразу же по окончании съемок «Римских каникул».

Фактически все эти многочисленные пункты и обязательства означали, что на молодую неопытную актрису делается разом столько ставок, что если она их не оправдает, ее репутация будет полностью загублена, ведь тогда она подведет сразу и американскую киностудию, и английскую, и бродвейских продюсеров. Кто тогда захочет иметь с ней дело?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.